

Небольсин Павел Иванович

Покорение Сибири

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович Н.**
Покорение Сибири / Небольсин Павел Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 264 с.

ISBN 978-5-519-98726-4

ISBN 978-5-519-98726-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

==

	<i>Стран.</i>
ПРЕДИСЛОВІЕ	1
ГЛАВА I. Лѣтописи и историческія сочиненія о Сибири . . .	4
ГЛАВА II. За Уралъ до царя Ивана-Грознаго	12
ГЛАВА III. Отношенія царя Ивана-Грознаго къ Сибири до Ермака .	29
ГЛАВА IV. Связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью	43
ГЛАВА V. Ермакъ	65
ГЛАВА VI. Взятіе Сибири	77
ГЛАВА VII. Утрата Сибири	89
ГЛАВА VIII. Покореніе Сибири	101
ГЛАВА IX. Царь Кучумъ	115
ГЛАВА X. Взглядъ на Ермака, какъ на завоевателя.	130
Сибирскія лѣтописи	1

О П Е Ч А Т К И.

=

Страница.	Строка.	Напечатано :	Должно быть :
2	снизу 9	значенія	значеніе
24	— 9	Бропкой	Брапкой (Бурятскій)
31	— 17	въ Обь	черезъ Иртышъ въ Обь
55	— 4 и 3	конница	вольница.
65	— 4 и 3	повольскими	Повольскими
66	сверху 19	сі	се
77	снизу 9	не знали о	не знали
78	сверху 2	казакамъ;	казакамъ
100	сверху 14	Гарберштейна	Герберштейна
105	снизу 17	дичью,	дичью—
—	— 4	какъ бы	какъ бы совсѣмъ
108	сверху 5	перехватили	перехватали
122	сверху 15	пока	что
—	— 31	дамъ	я дамъ
—	— 35	сдѣлаю	я сдѣлаю
128	снизу 10	содержаніе	содержаніе
130	сверху 12	Ю. Венелинъ	N***
—	снизу 5	будетъ	будетъ,
146	сверху 3	собственноручной	собственноручной

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

=

«Сіа убо Сибирская страна — полунощная; «стойтъ же отъ Россіи царствующаго града «Москвы во многихъ разстояній, яко до трію «тысящъ поприщъ суть. Межи сихъ госу- «дарствъ, Россійскаго и Сибирскія страны «землі, — облежить Камень, превысочайшій «зѣло, яко досязати вѣрхомъ и холмомъ до «облакъ небесныхъ: тако бо Божьими судьба- «ми устроися, яко стѣнамъ граду утвержден- «нымъ. На семъ же Камени растяху дравіе «различное, въ нихъ же жителство имѣють «звѣріе различніа, овѣи надобни на снѣденіе «человѣкомъ, овѣи на украшеніе и на одѣяніе «ризное. Многіа же и сладкопѣснивыя птицы, «паче же много различныя травы и цвѣты. «Изъ сего же Камени рѣки многія истекоша, «овѣи падоша къ россійскому царству, овѣи же «въ Сибирскую Землю. Дивно убо есть: какими «Божьими судьбами рѣками тамо бысть? вода «камень твердъ раскопа — и бысть рѣки, пре- «странны и прекрасны зѣло, въ нихъ же воды «сладчайшія и рыбы различныя множество; на «исходищахъ же сихъ рѣкъ дебрь плодovitа «на жатву и скотопитательная мѣста простран- «на зѣло.»

Савва Есиповъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Не бойся суда — бойся судьбы.»

Старая пословица.

Съ нѣкотораго времени, въ публикѣ нашей обнаружилось живое участіе ко всему отечественному: во всѣхъ концахъ Россіи стали съ любовью изучать родную землю и собирать драгоценныя о ней извѣстія.

И Сибирь была не забыта, и про Сибирь вспомнили.

Думали и вѣрили, что эта страна играетъ не послѣднюю роль въ ряду обширныхъ областей нашей имперіи; но въ какой именно степени она дѣйствительно важна для насъ—это не всѣ оцѣняли, да и не многіе думали объ этомъ, хотя всѣ чувствовали, что именно черезъ Сибирь—Россія могла бы быть главою Азіи.

Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы твердо укрѣпили въ Сибири свое владычество, и все-еще Сибирь, для очень-многихъ изъ насъ — та же *terra incognita*, какою она была и сто лѣтъ назадъ.

Русскому человѣку какъ-то неловко становится, когда онъ слышитъ вокругъ себя громкіе рассказы о разныхъ чужеземныхъ герояхъ, покорявшихъ невѣдомыя дотолѣ страны, о героѣ Кортесѣ, покорителѣ Мексики, о богатырѣ Пизарро, завоевателѣ Перу, о Джемсѣ Брукѣ, саравакскомъ раджѣ, чудномъ человѣкѣ нашего времени — слышитъ новый эпипетъ: «*the civiliser*», придаваемый богатой Англіи... Русскій человѣкъ знаетъ, что и наша Русь — не менѣе Англіи, можетъ имѣть притязанія на титулъ «просвѣтительницы», что и у насъ тоже были и свои Кортесы, и свои Пизарры, и свои Бруки; знаетъ, что ужь если дѣло пойдетъ на счеты — мы хоть бы кому такъ не уступимъ.

Правда, это-то русскій человѣкъ знаетъ; но спросите-ка у него, кто такой былъ Дежневъ? что именно сдѣлалъ Хабаровъ? — подробности ихъ подвиговъ неизвѣстны. Многіе изъ насъ основательно будутъ говорить о взятіи Кохогуакана, Ицтапалапана, о заселеніи острововъ Натуна, о подвигахъ Французовъ въ Алжирѣ, объ особенностяхъ природы въ Новой-Зеландіи... но какія обстоятельства сопровождали покореніе при-амурскихъ странъ, какія теперь есть у насъ колоніи въ Киргизской-Степи — многіе ли это у насъ знаютъ?.. У насъ нѣтъ даже справедливыхъ сказаній о томъ, какъ Ермакъ покорилъ Сибирь!

Плоды трудовъ и ученыхъ подвиговъ, касательно изученія Сибири, русскихъ людей, знаменитыхъ въ ученомъ мірѣ, возбудили и въ насъ желаніе передать публикѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы сами приобрѣли, тоже о Сибири, но передать ихъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ бы они могли быть общепонятны и любопытны для каждаго, не спеціально-ученаго, а обыкновенно-образованнаго человѣка, чувствующаго потребность ознакомиться лучше хоть съ дальнею, но родною землею, чѣмъ съ сосѣднею — но съ чужою, съ которою у насъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ кровныхъ узъ, никакихъ общихъ интересовъ, ни народнаго сочувствія.

Въ этихъ видахъ мы имѣемъ цѣль составить нѣсколько историко-статистическихъ описаній разныхъ частей Сибири, передать нѣсколько извѣстій о родныхъ нашихъ герояхъ-покорителяхъ дальняго сѣверо-востока, представить настоящее положеніе этого края и, наконецъ, объяснить дѣйствительное значеніе и будущія надежды Сибири.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію подробностей настоящаго, мы должны пояснить себѣ нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя съ перваго же взгляда бросаются въ глаза, лишь только мы составимъ себѣ идею о Сибири.

Здѣсь представляются слѣдующіе, самые естественные вопросы:

Что за страна была Сибирь въ то время, когда Ермакъ покорилъ ее?

Стоитъ ли Ермакъ той памяти и славы, которыми окружаетъ его потомство за то только, что онъ покорилъ страну, которая, и безъ

него, была уже данницею Россіи—какъ это доказываетъ одинъ нашъ ученый мужъ?

Точно ли покорилъ ее Ермакъ, и не исхитилъ ли этотъ человѣкъ славу завоеванія Сибири изъ рукъ Строгоновыхъ, которымъ однимъ принадлежитъ весь этотъ подвигъ—какъ это доказываетъ другой нашъ ученый мужъ?

Было ли покореніе Сибири дѣломъ, подготовленнымъ разными обстоятельствами, давними и незначительными по виду, или покореніе это было печально, вовсе неожиданно, было дѣломъ одного только случая — какъ объ этомъ выразился не совсѣмъ-ясно третій нашъ ученый мужъ?

Что знало наше правительство до Ермака объ этой громадной странѣ, у которой Ермакъ зацѣпилъ только небольшой клочокъ земли?

Съ которыхъ поръ правительство наше приобрѣло полное право называть всю Сибирь своею?

Кто таковъ былъ этотъ Ермакъ? дѣйствительно ли существовало въ мірѣ лицо съ такимъ сомнительнымъ и вовсе не-христіанскимъ именемъ? Или это мифъ, порожденный пустыми сказками, передающими намъ дѣйствительно-баснословные подвиги героя, носившаго это имя?

Если это не мифъ, то какое мы должны вывести заключеніе о личности этого человѣка?

Какимъ, наконецъ, образомъ русское народонаселеніе Сибири, изъ ничтожной горсти казаковъ и служилыхъ людей, въ два съ половиною столѣтія разрослось до того, что теперь въ ней разбросаны мильоны народа, который говоритъ языкомъ русскимъ, понимаетъ умомъ русскимъ, чувствуетъ сердцемъ русскимъ?

Безъ всякаго сомнѣнія, полное и удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и соглашеніе разнорѣчивыхъ сказаній лежитъ на обязанности будущаго историка, историка по призванію и вмѣстѣ съ тѣмъ ученаго *ex professo*. Но такъ какъ мы коснулись этихъ вопросовъ, то намъ и неловко уже обойти ихъ и, по силѣ, по возможности, не разъяснить ихъ хотя вкратцѣ, но такъ, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, главные событія были понятны каждому и ученому и неученому, были доступны оцѣнкѣ cadaго и ни въ комъ не внушали къ себѣ подозрительнаго сомнѣнія: точно ли это дѣло рассказано такъ, какъ оно было, и не противорѣчатъ ли оно такимъ документамъ и источникамъ, достовѣрность которыхъ признана твердо.

Попытка наша въ разъясненіи этихъ вопросовъ—вопросовъ, составляющихъ пробѣлъ въ нашей исторіи, вопросовъ, которые до сихъ-поръ, какъ намъ кажется, были «мутной водой во облацѣхъ» — будетъ составлять содержаніе подлежащаго труда, которому мы признали за необходимое придать самую простую форму рассказовъ, такимъ-образомъ, чтобъ каждая отдѣльная глава составляла отдѣльный рассказъ, а не сухое ученое изслѣдованіе, потому-что здѣсь мы не пускаемся ни въ какія учености, а тѣмъ паче въ отвлеченности. Ученныя тонкости не по намъ: мы просимъ позволенія бесѣдовать просто,

безъ претензій, безъ излишнихъ умствованій и съ подобающимъ уваженіемъ къ истинѣ.

Изъяснивъ такимъ образомъ причины, побудившія насъ къ этому труду, и способъ, придуманный нами для ознакомленія нашихъ читателей съ избраннымъ нами предметомъ, считаемъ себя въ необходимости убѣжденія и доводы свои подкрѣпить какъ подлинными грамматами, помѣщенными въ текстѣ, такъ и иными приложеніями, которыми трудъ нашъ будетъ заключенъ, на тотъ конецъ, чтобъ истина историческая не страдала, и чтобъ читатель не обвинялъ насъ въ самовольномъ ея искаженіи.

Тѣхъ, которые неохотно предаются чтенію старинныхъ бумагъ, изъ предубѣжденія къ ихъ незанимательности и сухости, смѣемъ завѣрить, что документы, на которые мы указываемъ, чрезвычайно-интересны и по языку, и по содержанію: въ нихъ такъ и выливается все прошедшее, такъ и высказывается эпоха; надѣмся, что они не надоѣдятъ читателю.

Льстимъ себя надеждою, что трудъ нашъ обратитъ, можетъ-быть, на себя вниманіе любителей отечественной исторіи; желали бы мы вниманія милостиваго, но тѣмъ не менѣе ждемъ и немилостиваго; въѣдъ на всѣхъ не угодишь!

И такъ, благословясь, приступимъ къ дѣлу.

ГЛАВА I-Я.

СИБИРСКІЕ ЛѢТОПИСЦЫ И ИСТОРИКИ.

Ученіе мнѣніе о покореніи Сибири. — Общепарадное мнѣніе о покореніи Сибири. — Архiepископъ Кипріянь. — «Неизвѣстная Рукопись». — Лѣтопись «о Сибири». — Лѣтопись Саввы Есипова. — Строгоновская Лѣтопись. — «Новый Лѣтописецъ». — «Товольскій Лѣтописецъ», Ремезова. — Гер. Фр. Миллеръ. — Н. М. Карамзинъ.

«Когда въ исторіяхъ другихъ государствъ разсмотримъ изобрѣтеніе, взятіе и наполненіе народомъ чужихъ и незнаемыхъ земель, и съ тѣмъ въ сравненіе приведемъ то, что съ стороны российской въ Сибири учинено: то примѣчается здѣсь предъ всѣми прочими государствами столько особливаго и чудеснаго, что не скоро найдется сему подобныхъ примѣровъ, и потомки наши едва могли бы сему повѣрить, ежели бы не все, что въ слѣдующей исторіи о томъ объявлено будетъ, на достовѣрнѣйшихъ и по большей части на неопровергаемыхъ доказательствахъ утверждалось.»

Гегардъ Фридрихъ Миллеръ.

Насъ, вѣроятно точно такъ же, какъ и васъ, благосклонный читатель, въ малолѣтствѣ учили, что Сибирь покорилъ Ермакъ, и покорилъ ее вотъ какимъ образомъ.

Жили-были на свѣтѣ «именитые люди», почти-что бояре, Строгоновы. Жили они близко Сибири и задумали покорить Сибирь. Пригласили они къ себѣ Ермака, положили ему жалованье, наняли казаковъ, дали имъ пушки, придали къ этой рати собственныхъ своихъ людей и послали ихъ въ Сибирь: «ступайте», сказали они, «покорите намъ Сибирь!»

Ермакъ пошелъ — взялъ да и покорилъ Сибирь.

Мы этому и повѣрили.

Прощи ребяческіе годы; хотѣлось узнать: какъ же это Ермакъ покорилъ Сибирь?

«А вотъ какъ» отвѣчали намъ на этотъ вопросъ: «три купца и бѣглый атаманъ волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь и уступили ее государству»... Замѣьте это тонкое выраженіе: *уступили* Сибирь правительству!!! — И затѣмъ наши рассказчики стали продолжать карамзинскія повѣствованія съ витиеватыми украшеніями того же, чему насъ учили и въ малолѣтствѣ.

Мы опять ничего не узнали и никакъ не могли сообразить: какимъ же образомъ Ермакъ и небольшая ватага другихъ наемныхъ удалцовъ попали въ Сибирь, разбили цѣлое царство, котораго жители мало, какъ видно, оказывали имъ сопротивленія, и обратили огромную страну не въ отчину своихъ господъ и хозяевъ, а въ русскую провинцію. Были и другіе вопросы... по разрѣшеніе ихъ мы, при усвоенныхъ уже идеяхъ и взглядѣ на это дѣло, никакъ не могли согласить съ дѣйствительностью.

Наконецъ, судьба привела насъ самихъ въ Сибирь. Видѣли мы Тоболъ, видѣли Иртышъ, гуляли по великой рѣкѣ Оби, плавали и по Енисею, и по Ангарту, сами живали въ лѣсахъ, по недѣламъ пытались сдѣла не одними сухарями, потерлись между простымъ народомъ, прислушались къ его рассказамъ о Ермакѣ, ознакомились съ его духомъ, и оцѣнкою дошли, кажется, до возможности понять, наконецъ, ермаковы походы, отвыкнувъ мѣрять все на петербургскую мѣрку и смотрѣть на всѣ происшествія глазами столичнаго жителя половины XIX столѣтія.

И уже послѣ всего этого мы привились за изученіе сибирскихъ лѣтописей и тѣхъ историковъ, которые, прямо или косвенно, выразили свои мысли о покореніи Сибири.

Съ ихъ-то характеромъ и направленіемъ мы и хотимъ теперь познакомить читателей.

Первыя свѣдѣнія о походѣ Ермака собраны были сибирскимъ архіепископомъ Кипріяномъ, жившимъ въ Тобольскѣ съ 1621 года до 15 февраля 1624 года; подлинныхъ его замѣтокъ мы не имѣемъ.

Изъ извѣстныхъ намъ рукописей первое мѣсто занимаетъ «Неизвѣстная Рукопись», внесенная въ такъ-называемый «Новый Лѣтописецъ». Тотъ списокъ, которымъ мы пользовались (въ каталогѣ лѣтописей Румянцовскаго Музеума подъ № 259) самъ по себѣ принадлежитъ началу нынѣшняго столѣтія; но оригиналъ его, по духу помѣ-

ценныхъ въ немъ извѣстій, принадлежитъ не ранѣе, какъ или къ концу первой или къ началу второй четверти XVII столѣтія. Мы его будемъ называть просто «Неизвѣстною Рукописью».

Рукопись эта служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной въ 1821 году Г. И. Спасскимъ подъ названіемъ «Лѣтопись Сибирская»; авторъ ея неизвѣстенъ, но онъ только округлялъ періоды лѣтописи, поименованной выше, приправлялъ свое твореніе риторическими украшеніями и старался быть вѣренъ тому духу, которымъ проникнуть его первообразъ. Гдѣ эта рукопись находится, въ какомъ мѣстѣ она открыта — неизвѣстно: первый издатель ея, Г. И. Спасскій, на VIII страницѣ своего къ ней предисловія говоритъ только, что она ему досталась случайно. Н. М. Карамзинъ, принявшій ее въ неопровергаемое основаніе своихъ повѣствованій, тоже рѣшительно ничего не говоритъ, гдѣ онъ ее открылъ: въ публичныхъ ли музеяхъ, или въ частныхъ домашнихъ архивахъ нашихъ вельможъ.

Третья лѣтопись «О Сибири», по описываемымъ въ ней событіямъ и по ссылкѣ въ одномъ мѣстѣ, какъ кажется, на «Неизвѣстную Рукопись», относится, такъ же какъ и она, къ началу второй четверти XVII столѣтія. Въ ней не достаетъ конца, который утраченъ; помѣщена же она въ «Историческомъ Сборникѣ», скорописи тоже XVII вѣка, и хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ № 379 каталога).

Эта лѣтопись служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной Г. И. Спасскимъ въ 1823 году. Мы пользовались болѣе-исправнымъ ея спискомъ, помѣщеннымъ «въ географѣ», то-есть, хронографѣ, писанномъ полууставомъ разныхъ почерковъ конца XVII столѣтія, и хранящемся въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ № 457 въ каталогѣ). Эта лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ «Есиповской», есть не что иное, какъ риторическое распространеніе предъидущей краткой лѣтописи «О Сибири»; на ней выставленъ 1636 годъ.

Объ этихъ двухъ изданныхъ г. Спасскимъ рукописяхъ, рѣзко одна другой противорѣчащихъ въ существенныхъ основаніяхъ—если можно такъ выразиться—«сибирскаго вопроса», мы распространимся далѣе; а теперь будемъ говорить объ остальныхъ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ.

Въ «Новомъ Лѣтописцѣ» скорописи XVIII вѣка (въ Каталогѣ Рукописей Румянцовскаго Музеума подъ № 258) помѣщено шесть главъ о Сибири: «о взятіи Сибири», о «убіеніи Ермака и о помѣтѣ Сибири» и проч. По времени составленія, лѣтопись эта принадлежитъ второй половинѣ XVII столѣтія и содержитъ въ себѣ краткій, довольно-вѣрный разсказъ о Ермакѣ; но въ одномъ мѣстѣ она противорѣчитъ сама себѣ, а въ другомъ—хронологіи. Лѣтопись эта не составляетъ важнаго пособія при изученіи сибирской исторіи и указаніе ея противорѣчій читатель найдетъ въ составленномъ нами «сводѣ лѣтописей».

Наконецъ, послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей есть «Тобольскій Лѣтописецъ», или «Ремезовская Лѣтопись». Авторъ ея, тобольскій боярскій сынъ, Семенъ Емельяновичъ Ремезовъ, составилъ ее во времена Петра-Великаго, въ концѣ XVII вѣка (1697—1699), но трудъ

его, совершенно лишенный всякаго критическаго взгляда, почтененъ только потому, что онъ *трудъ*, а въ исторіи покоренія Сибири онъ ничего не объясняетъ. Его и Карамзинъ отвергаетъ, признавая его сказанія невѣрными (И. Г. Р. Т. IX. Пр. 644); однакожь не всякое же его положеніе должно быть признано ложнымъ: у него есть мѣста, гдѣ онъ ставитъ зрителя въ необходимость смотрѣть на предметъ съ иной точки.

Теперь обратимся къ двумъ главнѣйшимъ источникамъ сибирской исторіи — къ изданымъ г. Спасскимъ «Сибирской Лѣтописи» Саввы Есипова и «Сибирской Лѣтописи» безъименнаго автора.

Объ эти лѣтописи во многомъ, особенно во второстепенныхъ происшествіяхъ, между собою еогласны, но во всемъ, что касается до существенныхъ вопросовъ, онѣ рѣшительно противорѣчатъ другъ другу.

Мы старались разобрать эти противорѣчія, сравнивали ихъ между собою, слѣдили ихъ съ подлинными словами царскихъ грамматъ, примѣняли ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и нашли, что причиной этихъ противорѣчій была неодинаковость началъ или духа, которыми составители лѣтописей были проникнуты.

По нашимъ личнымъ соображеніямъ и убѣжденію, оказывается слѣдующее:

Лѣтопись Есипова, не смотря на реторику и фразёрство — кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью-либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, поименовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ «распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался и гдѣ прежній авторъ стѣснялся въ рѣчахъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ худо ли, хорошо ли — но дѣйствовалъ не безъ критики и описываемыя имъ происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгоновыхъ, пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только «онѣйи велемудрый ритторъ Ермакъ» съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей «Лѣтописи» ссылку на другую лѣтопись: «инѣи же повѣдаютъ лѣтописцы, яко призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгоновы и даша имъ имѣнія и одежды добрыя и оружія — пищали и пушки полковыя и своихъ людей даша имъ Литвы и Нѣмецъ триста человекъ». Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово — вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь.

Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она повторлетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блестятъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматики славяно-церковнаго языка, подъ который составитель лѣтописи очень ста-

рался поддѣлаться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недоувѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ солеваторовъ въ государственномъ быту задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ и всѣми силами старается выставить ермаковыхъ казаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: ея казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а сладенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія; они не обыкновенные смертные, которыхъ непріятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть силою, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь не деликатность со стороны покорителей и каждому поступку ихъ придать видъ самаго строгаго пріличія, хотя бы для этого нужно было переименовать событія.

Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другаго рода ошибки: авторъ выводитъ событія, неподтверждаемыя никакими официальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что можетъ дать ложный блескъ имени Строгоновыхъ, ненуждающихся въ подкупной славѣ и столѣтіями стяжавшихъ себѣ честь, почетъ и знаменитость немерцаемую. У насъ имя Строгоновыхъ—имя народное, а авторъ неизвѣстной лѣтописи, кажется, вовсе не понималъ, что его каденіе, туманя вѣтви облаками дыма, въ основаніи своемъ—язвить корень и навлекаетъ на правдивыхъ родоначальниковъ фамиліи подозрѣніе, котораго они не заслуживали. Вѣроятно, это постоянное желаніе приписать къ подвигу Ермака имя Строгоновыхъ и было причиною, что лѣтопись неизвѣстнаго автора и даже неизвѣстнаго времени приобрѣла извѣстность подъ именемъ «Строгановской», утвержденной за нею и Карамзиннымъ. Прозваніе это мы охотно при ней оставляемъ.

Карамзинъ, въ 670 примѣчаніи къ IX тому своей «Исторіи» и есиповскую и строгановскую лѣтописи обѣ называетъ «древнѣйшими и достоверными»; въ 664 примѣчаніи къ тому же тому, онъ безусловно объясняетъ, что слѣдуетъ «Строгановской Лѣтописи», а почему онъ именно ей слѣдуетъ—этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому строгановскую лѣтопись онъ называетъ «достовернѣйшею всѣхъ иныхъ и «сочиненною *вроятно около 1600 года*». Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о сибирской «архіепископії», тогда-какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, а въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи «всей сибирскія земли», о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись по-крайней-мѣрѣ ко второй половинѣ XVIII столѣтія; можетъ-быть даже, она и еще позже составлена.